

Научная статья

УДК 913(4/9)

doi: 10.17072/2079-7877-2023-4-52-70

**ОЦЕНКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЛИТВЫ В 2004–2019 ГГ.**Андрей Станиславович Зиновьев¹, Юрий Александрович Ступин²^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия¹a.zinovyev@spbu.ru, ScopusAuthorID: 57204029906, AuthorID: 250516²y.stupin@spbu.ru, Scopus AuthorID: 6506606369

Аннотация. Неравномерность социально-экономического развития является объективным свойством пространства. Для постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы этот вопрос имеет особую актуальность, в том числе в контексте наложения институтов ЕС на пространственные структуры, сформировавшиеся в период централизованного планирования. В работе проанализирован ряд социально-экономических показателей по развитию 60 местных самоуправлений Литвы с 2004 по 2019 г. С целью выявления ключевых трендов неравномерности пространственного развития рассчитывалось стандартное отклонение отобранных показателей от среднего показателя по стране, разделенных на пять групп: превышающих более чем на 60% и на 20–60%, пониженных более чем на 60% и на 20–60%, наиболее близких к среднему показателю от -20 до 20%. К периферии были отнесены те территории, где значения показателей ниже среднего по стране были более чем на 60%, на 20–60%, а также наиболее близкие к среднему от -20 до 20%. Полупериферией считались муниципальные образования с показателями выше средних по стране на 20–60%, а ядром – более чем на 60%. Отмечается волатильный характер динамики изучаемых процессов, связанный с новым институциональным дизайном функционирования государства после вступления в ЕС и внешней конъюнктурой. Территориальная структура социально-экономических процессов в Литве имеет крайне поляризованный характер. Выделяются крупнейшие агломерации страны (Вильнюс, Каунас, Клайпеда) и приморская курортная зона (Паланга, Неринга), являющиеся центрами притяжения населения и инвестиций. Практически вся остальная территория страны представляет собой периферию, однако довольно пеструю. Степень периферизации муниципалитетов зависит от географического положения относительно главных центров, степени сохранности и востребованности рынком советского индустриального наследия, природно-рекреационного потенциала. Лишь 18% муниципалитетов Литвы характеризуются определенной стабильностью или улучшением показателей, а 80% подвержены разной степени периферизации, особенно стагнируют самоуправления по всему периметру приграничья.

Ключевые слова: неравномерное развитие, Литва, центр-периферийная структура, ЕС

Благодарности: авторы благодарят лаборанта кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова Ф.М. Чернецкого за помощь в подготовке картосхем.

Для цитирования: Зиновьев А.С., Ступин Ю.А. Оценка неравномерности социально-экономического развития Литвы в 2004–2019 гг. // Географический вестник = Geographical bulletin. 2023. № 4(67). С.52–70. DOI:10.17072/2079-7877-2023-4-52-70

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2023-4-52-70

**ASSESSMENT OF THE UNEVEN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
LITHUANIA IN 2004-2019**Andrey S. Zinovyev¹, Yurii A. Stupin²^{1, 2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia¹a.zinovyev@spbu.ru, ScopusAuthorID: 57204029906, AuthorID: 250516²y.stupin@spbu.ru, Scopus AuthorID: 6506606369

Abstract. The unevenness of socio-economic development is an objective property of space. For the post-socialist countries of Central and Eastern Europe, this issue is of particular relevance, including in the context of the imposition of EU institutions on spatial structures formed during the period of central planning. The paper analyzes a number of socio-economic indicators for 60 Lithuanian municipalities from 2004 to 2019. In order to identify key trends in the unevenness of spatial development, the standard deviation of the selected indicators from the national average was calculated, with the results further categorized into five groups: exceeding by more than 60% and by 20-60%, lower by more than 60% and by 20-60%, and the closest to the average from -20 to 20%. The periphery was considered to include those territories where the indicator values were below the national average by more than 60%, by 20-60%, and also those closest to the average from -20 to 20%. The semi-periphery comprised municipalities with



Экономическая, социальная и политическая география
Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

indicators above the national average by 20-60%, while the core – by more than 60%. The dynamics of the studied processes are volatile in nature, which is associated with the new institutional design of the functioning of the state after joining the EU and with the external environment. The territorial structure of socio-economic processes in Lithuania is extremely polarized. The country's largest agglomerations (Vilnius, Kaunas, Klaipeda) and the seaside resort area (Palanga, Neringa) stand out as centers of population and investment attraction. Almost all the rest of the country is a periphery, but rather motley. The degree of peripherization of municipalities depends on the geographical location relative to the main centers, the degree of preservation of and market demand for the Soviet industrial heritage, and the natural and recreational potential. Only 18% of Lithuanian municipalities are characterized by a certain stability or improvement in performance, while 80% of them are subject to varying degrees of peripheralization, especially municipalities along the entire border perimeter.

Keywords: uneven development, Lithuania, core-periphery pattern, EU

Acknowledgements: the authors express their gratitude to F.M. Chernetsky, a laboratory assistant at the Department of Socio-Economic Geography of Foreign Countries, Lomonosov Moscow State University, for his help in preparing maps

For citation: Zinovyev, A.S., Stupin, Yu.A. (2023). Assessment of the uneven socio-economic development of Lithuania in 2004-2019. *Geographical Bulletin*. No. 4(67). Pp. 52–70. DOI:10.17072/2079-7877-2023-4-52-70

Введение и постановка проблемы

Последствия глобализации, взрыв популизма, пандемия COVID-19 – эти социально-экономические неурядицы и политические противоречия требуют переосмысления и обсуждения вопроса о генезисе современных пространственных отношений и той роли, которую в них играет неравномерность развития. Проблема неравномерного развития, казалось бы, прошедшая пик своей популярности в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (см. например [7; 14]), вновь возвращается и занимает важное место в научных, управленческих и политических дискуссиях [4; 8; 13; 15; 20]. Фундаментальная особенность пространства, признанная в географических исследованиях как неравномерность развития, проявляет себя на различных иерархических уровнях: от глобального до локального. Подобная полимасштабность явления приводит к наложению разноуровневых процессов, что усугубляет качество жизни для определенных сообществ больше, чем для других.

На глобальном уровне И. Валлерстайн сформулировал концепцию мировых систем [1]. Он ввел понятие полупериферии, которая рассматривается как промежуточное звено между ядром и периферией, сочетает в себе черты обоих и эксплуатируется ядром, но при этом эксплуатирует периферию. Полупериферия – наиболее динамичное звено во всей системе, которая обуславливает изменения в территориальной организации в кризисные периоды.

К глобальной полупериферии, в частности, относятся постсоциалистические страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), испытавшие на себе сначала последствия резкого перехода от командной экономики к рыночной, а затем, как полноценные участники мировой экономики, и последствия глобальных кризисов. Именно внутри этих стран проблема неравномерного развития остро проявляет себя на региональном и локальном уровнях через процессы поляризации [11]. В частности, страны Балтии демонстрируют крайнюю степень демографической, экономической и социальной поляризации [19]. В этих странах можно наблюдать растущее территориальное неравенство между концентрацией экономического роста и социального развития в столичных центрах и постепенной деградацией уровня и качества жизни в сельской периферии и в старопромышленных районах, где отмечаются деиндустриализация, упадок социальной инфраструктуры и сокращение населения [5]. Политика сплочения Европейского союза (ЕС), которая определила все три балтийских государства в целом как регионы уровня NUTS 2, способствовала «пространственно слепому» подходу к региональной политике, не учитывающей различия местных условий для обеспечения конкурентоспособности территорий [12].

Цель данной статьи – выявить основные тенденции пространственной неравномерности социально-экономического развития Литвы за последние два десятилетия, с момента вступления страны в Европейский союз.

Материалы и методы

В общественно-географических исследованиях не существует единой устоявшейся системы индикаторов, позволяющей комплексно оценивать пространственную неравномерность развития. Так, в известной монографии О.В. Грицай, Г.В. Иоффе и А.И. Трейвиша в качестве основных критериев выделяются: общий уровень экономического развития, степень участия в территориальном разделении труда, отношение к инновационному процессу [2]. Один из авторов «новой экономической географии» Пол Кругман объясняет сложившееся пространственное неравенство наличием конкурентных преимуществ у одних территорий по сравнению с другими. К таковым он относит т.н. факторы «первой природы» (наличие природных ресурсов и географическое положение) и «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал, институты). На современном этапе большую значимость приобретают именно факторы «второй природы», т.е. те, которые создаются человеком [9]. Очевидно, что неравномерное развитие – это кумулятивный процесс, имеющий непредсказуемый и нелинейный характер [18]. Его конкретные выражения и географические последствия будут меняться во времени.

Поэтому пространственную неравномерность развития как явление можно изучать с помощью различных показателей, выбор которых зависит от избранной исследователем мировоззренческой установки, подхода, поставленной цели и доступности данных. В данной работе акцент делается на социально-экономической составляющей пространственной неравномерности развития Литвы, что обуславливает выбор индикаторов. Определенные ограничения также вносит доступность данных на муниципальном уровне (LAU 1) в номенклатуре территориальных единиц для целей статистики в ЕС⁶.

За основу была взята методика выделения периферийных территорий, используемая литовским географом Гинтаре Почюте-Серейкене, которая была адаптирована исходя из задач данного исследования [16; 17]. Методически работа состоит из нескольких последовательных аналитических этапов. На предварительном этапе из совокупности доступных на муниципальном уровне статистических данных были отобраны для дальнейшего анализа восемь социально-экономических показателей: коэффициент естественного прироста (убыли), коэффициент механического прироста (убыли), коэффициент демографической нагрузки, уровень безработицы, добавленная стоимость на одного занятого, уровень прямых иностранных инвестиций на одного жителя, площадь введенных в действие новых жилых домов, стоимость 1 акра земли под жилую застройку.

Задачей следующего этапа являлось выявление динамики отобранных статистических показателей после вступления Литвы в ЕС в разрезе 60 муниципальных образований⁷. Чтобы показать произошедшие изменения за этот период, оценивалась скорость динамики показателей за пятнадцатилетний период с 2004 по 2019 г.⁸ Анализ производился по трем реперным точкам: год вступления в ЕС – 2004; год проведения переписи населения, а также первый год после восстановления экономики страны от последствий мирового кризиса 2008–2009 гг. – 2011; последний год до социально-экономических потрясений, связанных с пандемией COVID-19, – 2019⁹.

⁶ Значительная часть социально-экономической статистики по Литве после вступления в ЕС аккумулируется на уровне NUTS 3, который делит страну на 10 крупных территориальных единиц, бывших до 2010 г. уездами.

⁷ Источником всей статистической информации является официальный портал Государственного агентства по статистике Литвы (<https://osp.stat.gov.lt/>). Данные по стоимости 1 акра земли под жилую застройку взяты из отчетов Государственного предприятия «Центр регистров» (<https://www.registrucentras.lt/>)

⁸ За исключением показателя стоимости 1 акра земли под жилую застройку, в силу отсутствия полных данных, анализировалась средняя за период 2015–2019 гг. цена.

⁹ При отсутствии показателей на указанные годы они были взяты максимально приближенными к этим датам

Экономическая, социальная и политическая география
Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

В указанный период действовало постановление Правительства Литвы №428 от 8 апреля 2003 г.¹⁰, в соответствии с которым вводился критерий выделения проблемных территорий, требующих применения особых инструментов поддержки. Согласно постановлению этот критерий устанавливался для ряда социально-экономических показателей, стандартное отклонение которых от среднего уровня по стране было ниже на более чем 60%. Это побудило авторов использовать схожую методику и рассчитать стандартное отклонение выбранных показателей муниципалитетов от среднего по стране с разбивкой на пять групп: превышающих более чем на 60% и на 20–60%, пониженных более чем на 60% и на 20–60%, наиболее близких к среднему от -20 до 20%.

На завершающем этапе оценивались тенденции изменений рассматриваемых показателей по временным промежуткам 2004–2011 гг. и 2011–2019 гг. После оценки трендов социально-экономической динамики и в зависимости от стабильности отнесения к той или иной группе муниципалитеты были разделены на три категории: центральные, полупериферийные и периферийные. Периферийными считались территории разной степени интенсивности негативной динамики – не только те, где значения показателей были ниже среднего по стране более чем на 60%, но и муниципальные образования, значения показателей которых попали в группы ниже среднего на 20–60%, а также наиболее близкие к среднему от -20 до 20%. К полупериферии отнесены самоуправления с показателями, которые стабильно выше средних по стране на 20–60%, а центральными признавались те, чьи показатели более чем на 60% превышали среднестрановой уровень. Наиболее объективными индикаторами процессов централизации/периферизации выступают демографические показатели, демонстрирующие устойчивость трендов в разрезе муниципалитетов, в то время как экономические показатели изменяются во времени под влиянием особенностей политики государства и внешней конъюнктуры, что позволяет уточнить субъективные причины выявляемых тенденций.

Результаты исследования

Ключевые тренды социально-экономического развития Литвы

Вступление Литвы в ЕС и первые 15 лет её пребывания в его составе с точки зрения социально-экономических изменений были неоднозначными, чередовались периоды подъема и спада, связанные с изменением институциональных рамок и внешней конъюнктуры.

Показатели, характеризующие демографическую ситуацию, в основном демонстрируют негативные тенденции (см. рис.1). Обращаясь к анализу динамики численности населения Литвы с 2004 г., мы можем обратить внимание на стремительное ее сокращение, вызванное значительным оттоком населения в более благополучные в социально-экономическом отношении страны ЕС. Результатом этих процессов стало снижение численности населения Литвы на без малого 18%. Однако причины сокращения населения в центрах и на периферии могут различаться. В крупных городах и их агломерационных зонах это прежде всего связано с эмиграцией и субурбанизацией. На периферии ключевыми причинами депопуляции являются низкая рождаемость и повышенный миграционный отток как за рубеж, так и в главные центры страны. Впрочем, депопуляция в Литве – не уникальное явление, а скорее является частью общего тренда в странах ЦВЕ [3].

На протяжении всего изучаемого периода в Литве наблюдается естественная убыль населения, усилившаяся в первые годы после вступления в ЕС (падение до -4,8% в 2007 г.), однако впоследствии стабилизировавшаяся на уровне -3,5 – -4,0%.

Показатели нетто-миграции довольно волатильны в эти 15 лет. Интенсивный эмиграционный процесс стартовал в стране сразу после обретения независимости, оставаясь практически на протяжении всего времени отрицательным, чередуя бурные волны отъезда (-24,8% в 2010 г.) из Литвы с более стабильными промежутками. Впрочем, с 2018 г. намети-

¹⁰ Утратило силу 21.12.2021.

лась пусть и незначительная, но положительная динамика нетто-миграции, что объясняется как возвращением не адаптировавшихся в странах Западной и Северной Европы литовцев, так и замещающим высвободившиеся рабочие места притоком белорусов и украинцев.

Подобная ситуация с естественным и механическим движением не могла не привести к проблеме старения населения, что для ряда территорий на северо-востоке и юге страны стало настоящей демографической катастрофой. Коэффициент демографической нагрузки с 2004 по 2019 г. вырос в 1,5 раза. Количество лиц старше 65 лет на 100 детей младше 15 лет составляет 131 чел. в среднем по Литве.

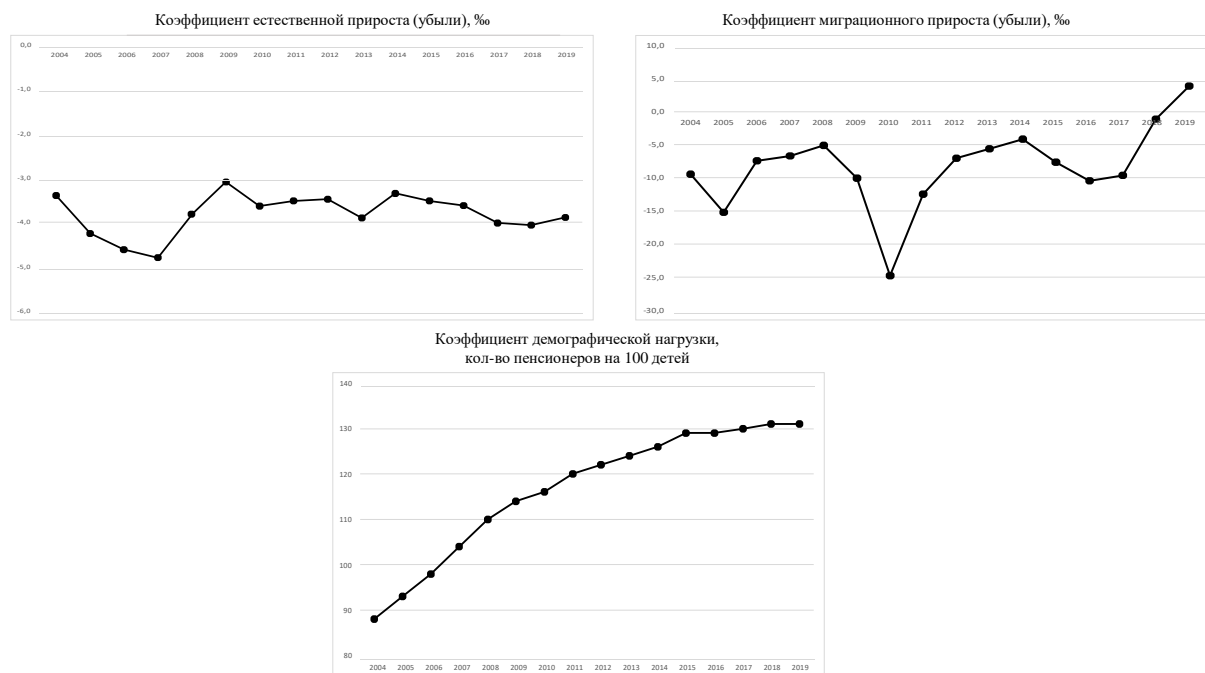


Рис. 1. Динамика основных демографических показателей Литвы после вступления в ЕС
Fig.1. Lithuania's main demographic indicators dynamics after accession to the EU

Перенос акцент на экономические изменения, следует подчеркнуть, что по анализируемым показателям отмечен устойчивый рост, в первую очередь, за счет уровня прямых иностранных инвестиций и добавленной стоимости, создаваемой занятым населением (см. рис. 2). Между тем динамика показателей безработицы и ввода новых жилых домов была крайне чувствительна к бурно меняющейся экономической конъюнктуре.

Кривая безработицы показывает минимальные значения этого показателя для Литвы на уровне 3–4% накануне мирового кризиса 2008–2009 гг. Затем следуют резкий рост до 15,9% в 2010 г. и дальнейшее восстановительное снижение до 8–8,5%, что схоже с уровнем середины 1990-х гг.

За 15 лет в 6,5 раз увеличился общий приток иностранных инвестиций в Литву с 1152 евро на одного жителя в 2004 г. до 7405 евро на одного жителя в 2019 г. Учитывая рассмотренные выше демографические тренды, можно предположить, что подушевое увеличение инвестиций может быть связано с уменьшением численности населения. Однако, несмотря на это, сумма вложенных денег и количество инвесторов продолжают увеличиваться.

Положительный рост отмечен и при анализе добавленной стоимости, создаваемой занятым населением. За исследуемый период значения выросли почти в 3 раза: в 2004 г. добавленная стоимость, созданная занятым населением, составляла 6 тыс. евро в расчете на одного жителя, тогда как в 2019 г. средний уровень этого показателя по стране достигал 17,4 тыс. евро.

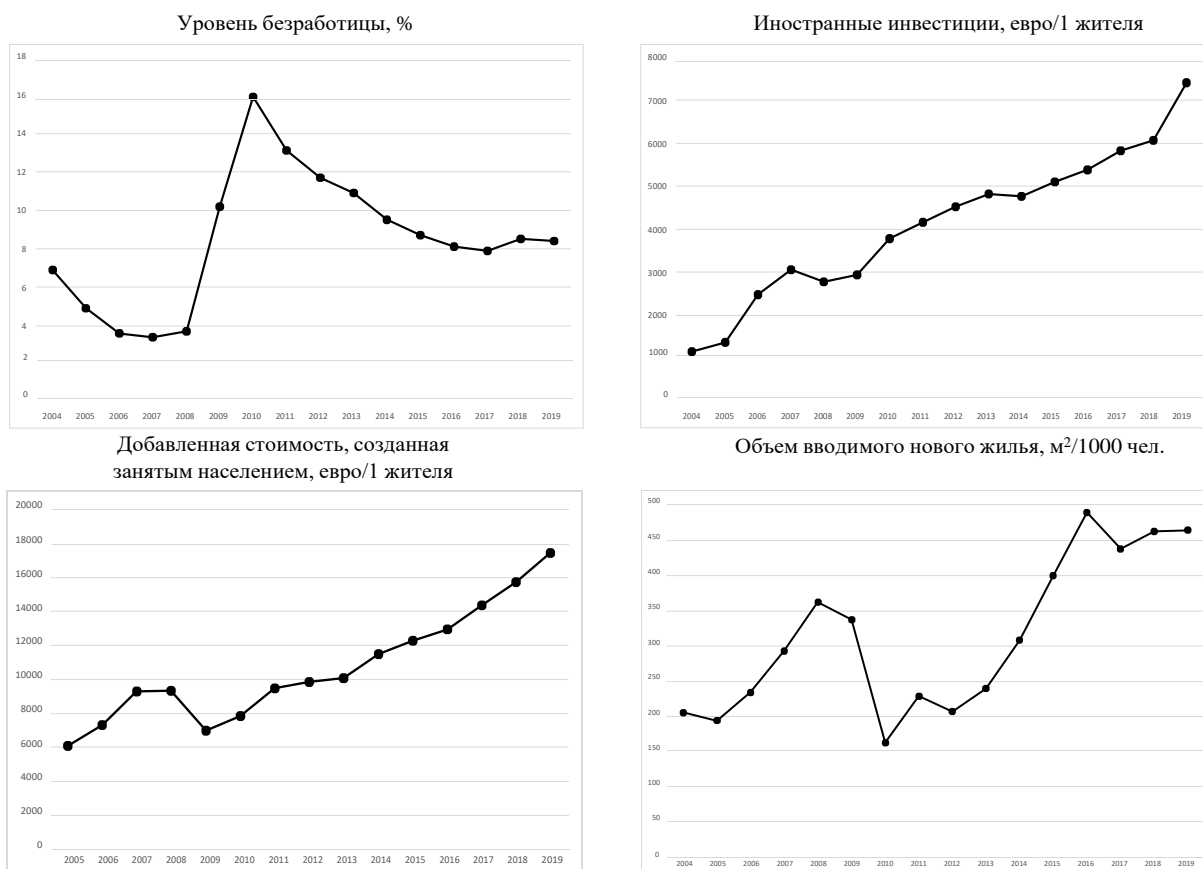


Рис. 2. Динамика основных экономических показателей Литвы после вступления в ЕС
 Fig.2 Lithuania's main economic indicators dynamics after accession to the EU

Динамика ввода нового жилья также, как безработица, реагирует на мировой экономический кризис, ярко проявивший себя именно в сфере жилищного девелопмента. Строительный бум 2007–2009 гг. сменился откатом к показателям рубежа XX и XXI вв. (163,1 м² на 1000 чел. в 2010 г.), но затем вырос почти в 3 раза (464,4 м² на 1000 чел. в 2019 г.).

Неравномерность демографического развития

Динамика естественной убыли населения является значимой составляющей депопуляционных процессов в Литве. Различия между этим показателем в отдельных муниципальных образованиях весьма значительны: значения лучших и худших показателей могут отличаться почти в 4 раза, как, например, в 2011 г. между Нерингой (5,8‰) и Игналинским муниципалитетом (-17‰).

Ситуация с естественным движением населения в муниципалитетах Литвы ухудшается (см. рис.3). В течение всего рассматриваемого периода стабильно положительные или близкие к нулю значения показывали лишь 3 муниципалитета (Вильнюс, Неринга и Клайпедское районное самоуправление). 21 муниципальное образование постоянно входило в группу со сниженным более чем на 60% от среднего значения по стране (Ширвинтское, Швенченское, Укмергское, Алитусское районное, Лаздайское, Варенское, Бирштонас, Кайшиядорисское, Пренайское, Расейняйское, Биржайское, Купишкисское, Акмянское, Юрбаркасское, Аникщайское, Игналинское, Молетское, Утинское и Зарасайское). Заметный нисходящий тренд продемонстрировали 10 муниципалитетов: три из них (это городские самоуправления) – русскоязычный, бывший город-спутник АЭС Висагинас, а также Алитус и Паневежис, еще четыре муниципалитета на западе страны (Шилутский, Скуодасский, Ретавский и Тельшай-

ский) и по одному на юго-западе (Казлу-Рудский), в центре (Кедайняйский) и на севере (Йонишкисский). Остальные муниципалитеты значительно не меняют наметившийся негативный тренд.

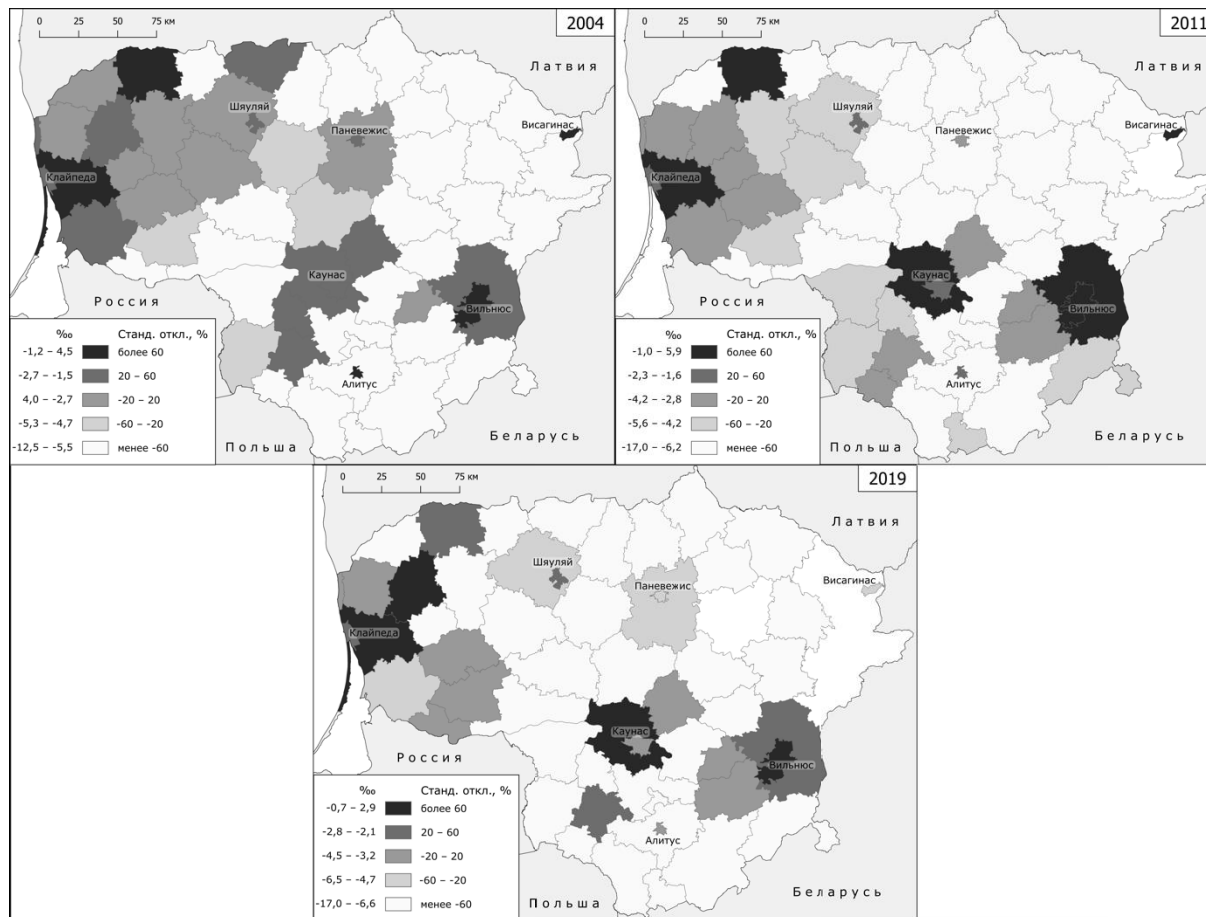


Рис. 3. Коэффициент естественного прироста (убыли) по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.

Fig.3 Population natural increase (loss) rate in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

Выявились следующие территориальные различия: крупнейшие города Литвы, их хинтерланды, а также муниципалитеты Западной Литвы имеют наилучшие показатели естественного движения населения. Наибольшая убыль наблюдается на северо-востоке, юге и юго-западе страны.

В связи с практически повсеместной естественной убылью важное значение приобретает миграция, поскольку таким образом она во многом определяет степень периферийности территории. Показатель нетто-миграции и его изменение во многом позволяют наметить тенденции регионального развития, так как в основном вымываются молодые когорты трудоспособных жителей, создавая дефицит рабочей силы.

Основная отмечаемая тенденция в динамике муниципалитетов по данному показателю – это нарастающая поляризация, поскольку большая часть самоуправлений стремится в наиболее отстающую группу, а меньшая – в самую привлекательную для мигрантов (см. рис.4). Средние группы в основном выступают как транзитные на пути к одному из полюсов.

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

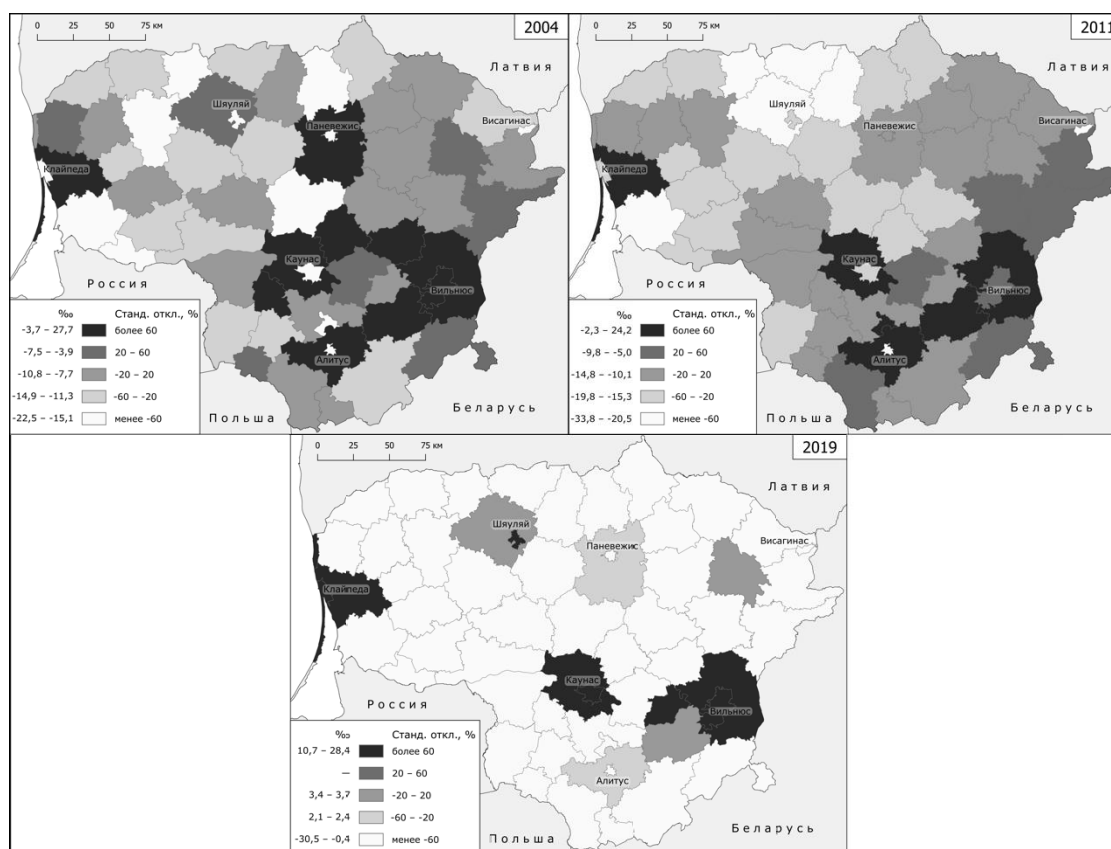


Рис. 4. Коэффициент миграционного прироста (убыли) по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.

Fig.4 Migration gain (loss) rate in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

В течение выбранных для анализа 15 лет устойчивые позиции в лидирующей группе сохраняли лишь четыре муниципалитета: пригородные Вильнюсский, Каунасский и Клайпедский, а также имеющая льготный налоговый режим Неринга на Куршской ко е. Показатели большинства самоуправлений снижались. Наиболее стремительное падение продемонстрировали Ширвинтский, Йонавский и Казлу-Рудский муниципалитеты. Стабильно быстро теряли население в этот период Алитус, Висагинас, Шилутский и Акмянский муниципалитеты. Крупные города, такие как Каунас, Клайпеда и Шяуляй, из доноров международной миграции в начале периода превратились в реципиентов внутренней миграции и благодаря этому сменили отрицательные значения показателя на положительные.

Зональные различия по данному показателю как таковые не прослеживаются, однако четко видны ареалы субурбанизации и курортные города, выступающие как магниты для жителей крупнейших городов.

Помимо убыли населения важной особенностью сжимающихся территорий является старение населения. Территориальные различия в старении населения Литвы также велики (см. рис. 5). Самые высокие показатели демографической нагрузки наблюдаются на северо-востоке и юге Литвы, которые, как отмечалось ранее, являются наиболее депопулирующими районами страны. В ряде муниципалитетов старшие возрастные когорты составляют более четверти населения (Игналинский – 27,7%, Аникшяйский – 26,9%, Зарасайский – 25,3%).

Группа с близкими к средним показателям по стране доминировала на протяжении всего периода. В разные годы в нее входило от 26 до 38 муниципалитетов. В группу муниципалитетов, превышающих среднестрановой показатель на 60% и более, за 15 лет не попало ни одно самоуправление. Лишь небольшое количество муниципалитетов входило в самую худшую группу, в течение анализируемого периода на постоянной основе в неё входил только Игналинский муниципалитет, где в 2019 г. на 100 детей приходится 251 чел. пенсионного

возраста. Наиболее негативную динамику продемонстрировал Алитус, где число пенсионеров на 100 детей выросло в 4 раза за 15 лет.

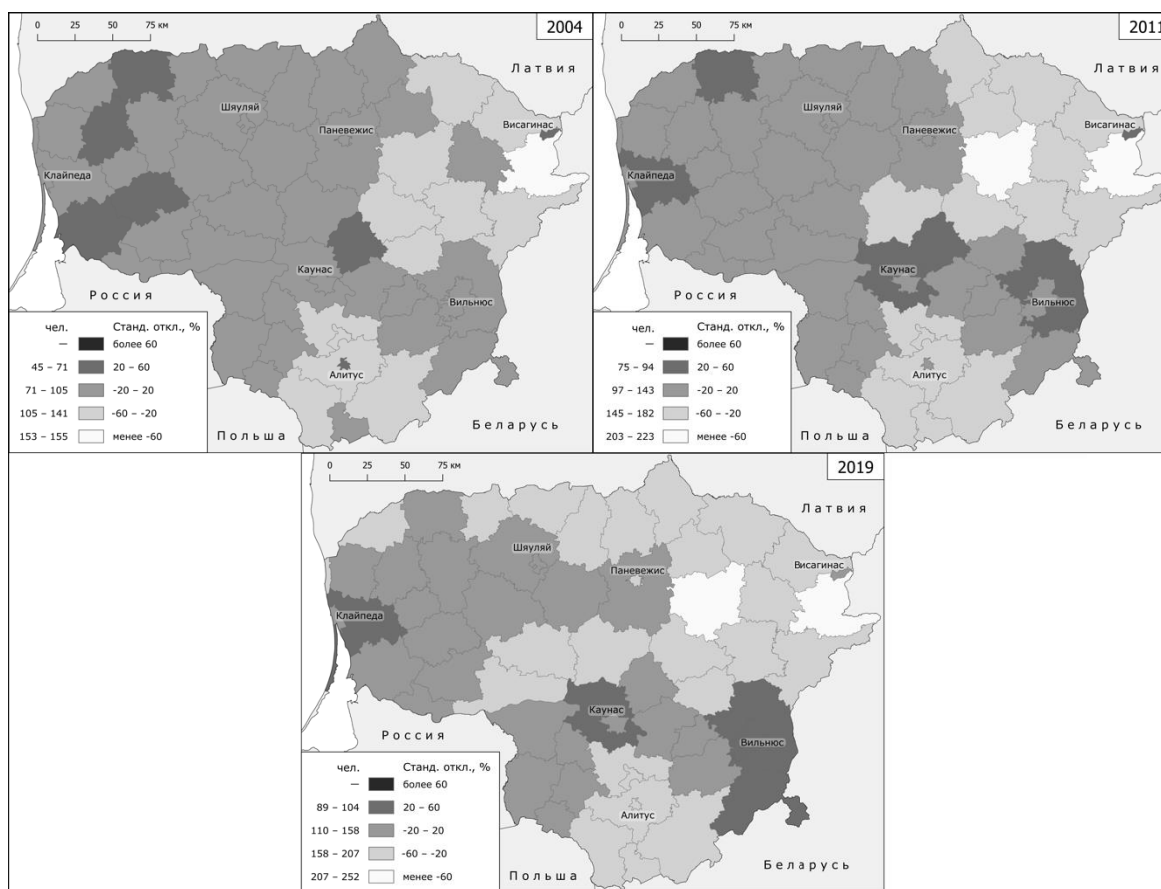


Рис. 5. Коэффициент демографической нагрузки по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.
Fig.5 Demographic load coefficient in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

Обобщая демографическую ситуацию в Литве, можно выделить очаги муниципалитетов, образующих центры притяжения населения: это крупнейшие города страны за исключением Паневежиса, муниципалитеты в их агломерационной зоне и курортные города (Паланга, Неринга). Вся остальная территория страны находится в демографической яме, наиболее неблагоприятная демографическая ситуация отмечается в Акмянском, Биржайском, Игналинском и Аникщяйском муниципалитетах.

Неравномерность экономического развития

Значительные скачки уровня безработицы связаны с последствиями мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшего за ним восстановительного экономического подъема. Рекордно низкое значение уровня безработицы было зафиксировано накануне кризиса в 2007 г. – 3,4%, пик же пришелся на 2010 г. – 15,9%. Впоследствии безработица стабилизировалась на уровне примерно 8%. Наибольшая доля муниципальных образований в рассматриваемый период была отнесена к группе со значениями наиболее близкими к среднему по стране (см. рис. 6). На эту группу приходилось 30% (18 муниципалитетов в 2004 г.), 68% (41 муниципалитет в 2011 г.), 53% (32 муниципалитета в 2019 г.), что свидетельствует о том, что тенденции изменения уровня безработицы в муниципальных образованиях тесно связаны с общей ситуацией в стране. Анализ показал, что муниципальных образований с очень большим положительным отклонением от среднего практически нет, только в 2004 г. два муниципалитета (Тракайский и Электренайский) отличались самыми низкими значениями

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

ми показателя уровня безработицы, который не превышал 2,5%, тогда как в то время в среднем по Литве он составлял 6,9%. На противоположном полюсе размер группы наиболее отставших самоуправлений колебался от 17 (2004 г.) до 2 (2019 г.) муниципалитетов. В 2011 таких самоуправлений, где уровень безработицы был бы на 60% выше, чем в среднем по стране, вовсе не было.

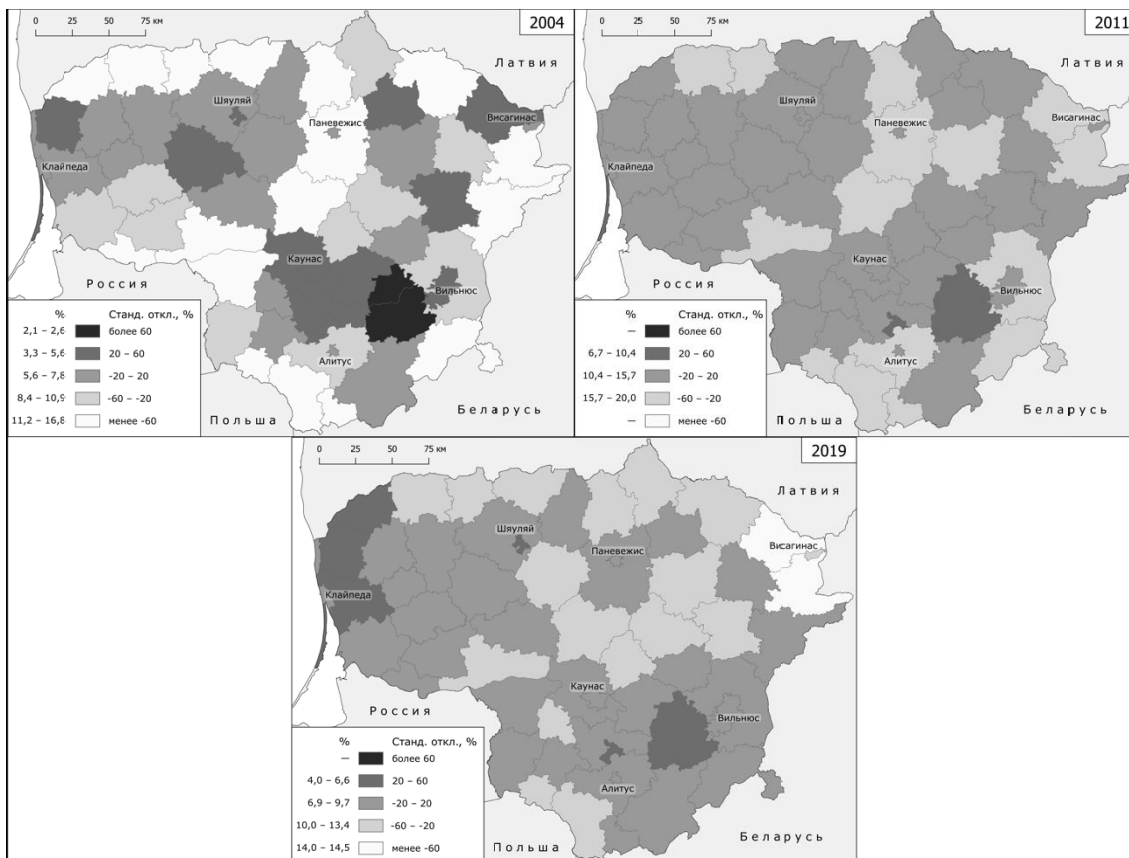


Рис. 6. Уровень безработицы по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.

Fig.6 Unemployment rate in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

Ухудшение ситуации было наиболее заметно в Зарасайском муниципалитете, а также в Купишкисском и Молетском самоуправлениях. Обратный процесс позитивной динамики уровня безработицы был характерен во многом для периферийных муниципалитетов, где велик отток населения, а в составе населения преобладают пенсионеры, исходя из чего количество безработных стало сокращаться.

Наиболее напряженная ситуация с безработицей наблюдается по всему периметру приграничных муниципалитетов (17 из 23 имеют показатели ниже средних по Литве), а также в ряде самоуправлений в центре страны. Низкий уровень безработицы отмечается в курортных городских самоуправлениях Бирштонаса и Неринги, а также во входящих в агломерационную зону крупнейших городов страны Кретингском, Тракайском, Электренайском муниципалитетах и в Шяуляе.

Распределение прямых иностранных инвестиций по стране крайне неравномерно и поляризовано: некоторые самоуправления (Вильнюс, Клайпеда и Мажейкяйский муниципалитет) концентрируют львиную долю инвестиций, в то время как другие самоуправления (Бирштонас, Шилальский, Ретавасский муниципалитеты и др.) не получали инвестиций несколько лет или сумма вложений была небольшой. На объемы прямых иностранных инвестиций в муниципалитеты напрямую влияло наличие актуальных для современного этапа развития мировой экономики промышленных предприятий. При расчете отклонения от

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

среднего большинства (около 90%) муниципальных образований вошли в отстающие от средних значений по стране группы. Лишь небольшая часть муниципалитетов – в основном крупные города – были привлекательны для иностранных компаний (см. рис.7).

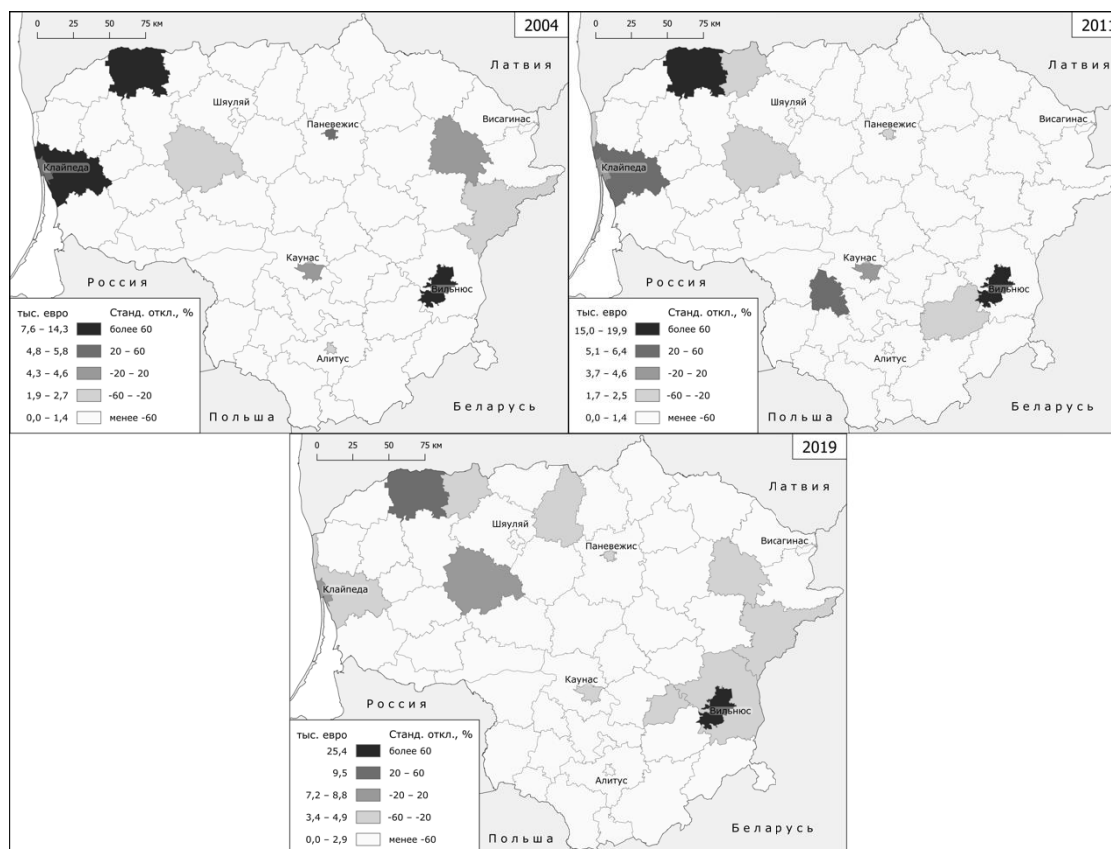


Рис. 7. Уровень прямых иностранных инвестиций в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.

Fig.7 Level of foreign direct investment per inhabitant in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

Более 40 муниципалитетов стабильно на протяжении всего изучаемого периода оставались в группе отстающих более чем на 60% от средних показателей по Литве. В большинстве муниципальных образований, входящих в эту группу, объемы прямых иностранных инвестиций увеличились, но не так значительно, как в ведущих муниципалитетах-реципиентах, которые повысили средний показатель по стране. Однако были муниципалитеты, где приток прямых иностранных инвестиций уменьшился (например, Паневежис, Клайпедское районное самоуправление).

По результатам анализа добавленной стоимости, созданной занятым населением, доминируют группы, относящиеся к отстающим от среднего по стране показателя – около 80% (см. рис.8). Наибольшую добавленную стоимость вносят работники Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Мажейкяйского и Клайпедского районного муниципалитетов. Наиболее близкая к среднестрановым показателям группа в рассматриваемый период содержала 6–7 муниципалитетов, в основном городские самоуправления.

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

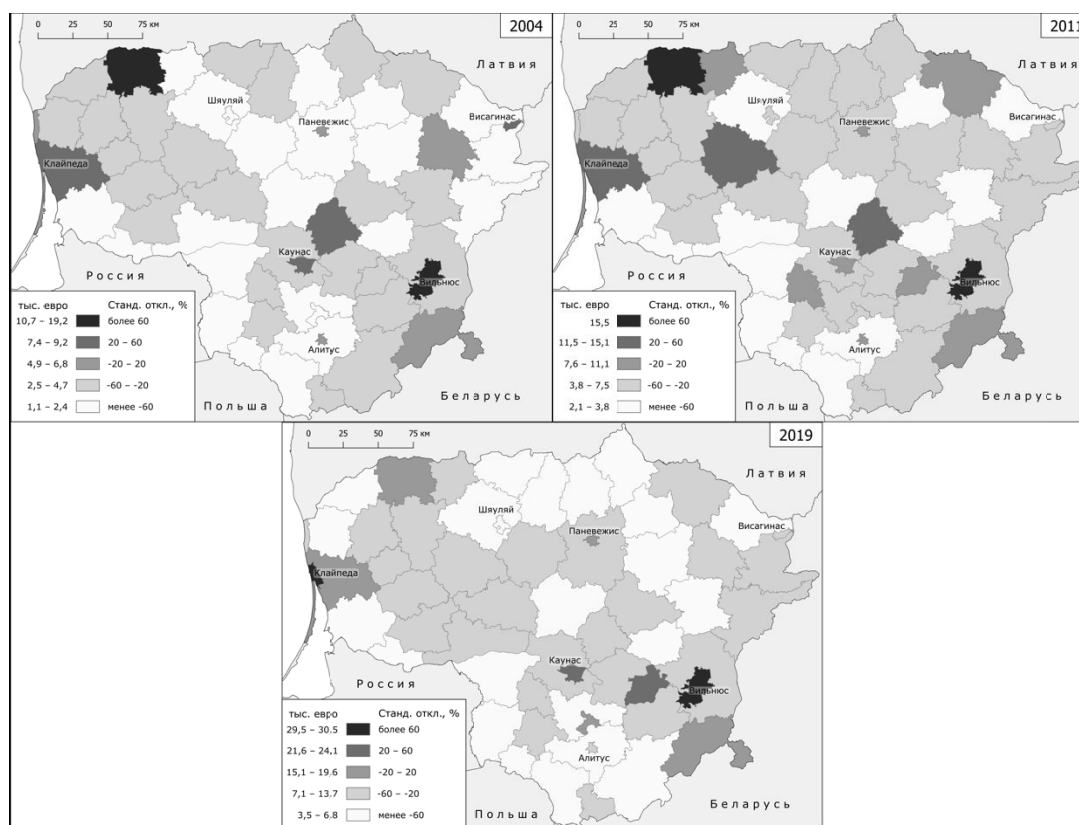


Рис. 8. Уровень добавленной стоимости, созданный занятым населением, в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011, 2019 гг.

Fig.8. Added value created by employed population per inhabitant in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, 2019

Заметные позитивные изменения произошли в Электренайском муниципалитете и, напротив, негативная динамика отмечена в Йонавском самоуправлении, Висагинасе и в Мажейкяйском муниципалитете. Остальные муниципальные образования принципиально не меняли своего положения.

Большинство муниципалитетов производят объем добавленной стоимости ниже среднего по Литве, в положительную сторону выделяются лишь крупнейшие города, курорты и крупные промышленные центры.

Уровень ввода нового жилищного строительства свидетельствует о привлекательности муниципального образования для жителей страны и перспективах для девелоперов.

Ускоренный рост жилищного строительства наблюдается в пригородных районах крупнейших городов в результате субурбанизационных процессов (Вильнюсский, Каунасский, Клайпедский, Тракайский), а также в столице страны Вильнюсе и приморском курорте Паланге (см. рис. 9). При этом для большинства остальных муниципальных образований страны характерны низкие значения показателя, особенно для приграничных.

Ввод нового жилья дополним анализом значения показателя стоимости земли в селитебных зонах. Картосхема, показывающая разницу в стоимости земли под жилую застройку, коррелирует с картосхемами, на которых показан объем нового жилищного строительства. Самые дорогие земли под жилую застройку были в муниципальных образованиях, наиболее привлекательных для покупателей и девелоперов (см. рис. 10).

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

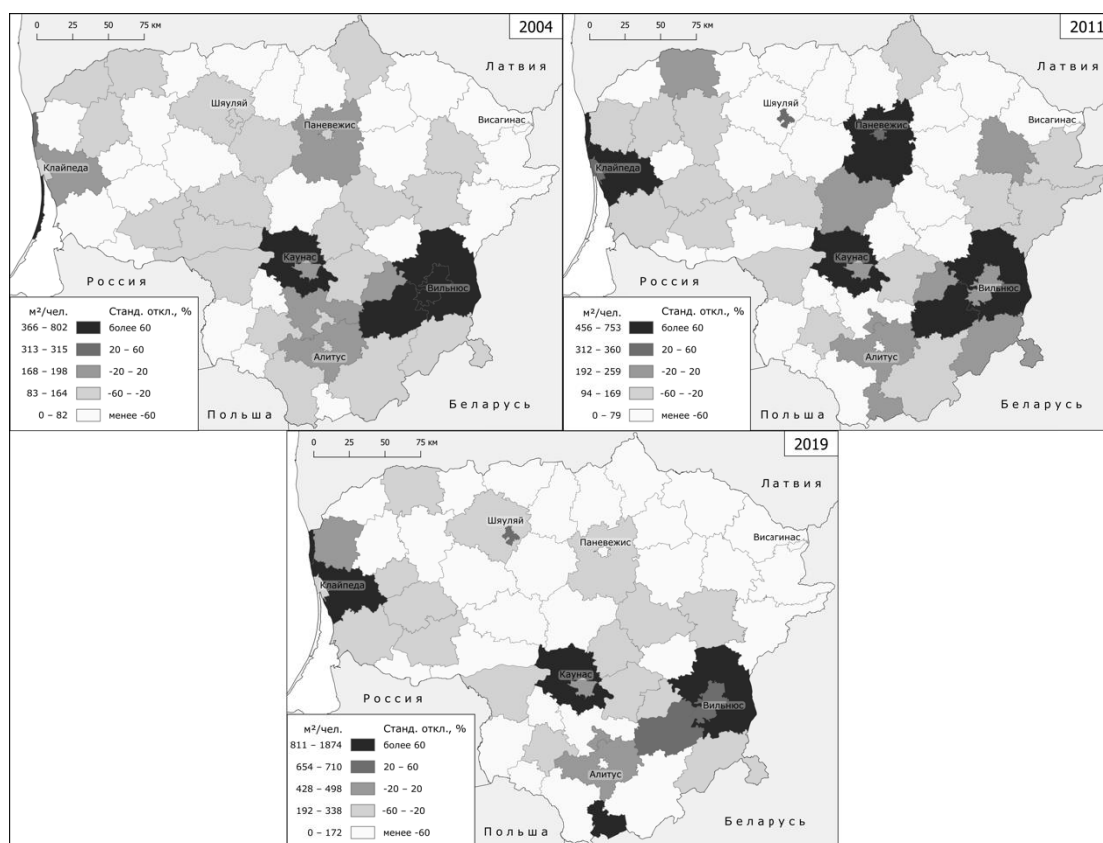


Рис. 9. Площадь вводимого нового жилья в расчете на одного жителя по муниципалитетам Литвы в 2004, 2011 и 2019 гг.
 Fig.9 Area of new housing commissioned per inhabitant in Lithuanian municipalities in 2004, 2011, and 2019

Более половины муниципальных образований оказались в группе, где стоимость 1 акра земли под жилую застройку составляет ниже среднестрановой более чем на 60%. В этих самоуправлениях земля под жилую застройку оценивается до 272 евро, что более чем в 19 раз ниже стоимости земли в самом дорогом самоуправлении страны Вильнюсе. 20% самоуправлений имеют значения выше среднего по Литве, но и среди них имеются существенные различия: средняя цена за акр земли под жилую застройку у 7 муниципалитетов находится в диапазоне 1500–2000 евро, а еще у 4 самоуправлений (Вильнюс, Каунас, Клайпеда и Паланга) – 4200–5200 евро за акр. Данные по муниципалитету Неринги за 2015–2019 гг. отсутствуют в связи с тем, что сделки с землей под жилую застройку на территории национального парка, находящегося под защитой ЮНЕСКО, в этот период не осуществлялось. Но можно предположить, что курортное самоуправление Неринга входит в категорию наиболее дорогих муниципалитетов по стоимости акра земли под жилую застройку.

Муниципалитеты крупнейших городов, субурбанизированные пригородные районы вокруг них и курортные зоны значительно выделяются с точки зрения стоимости земли под жилую застройку.

По экономическим показателям большая часть Литвы демонстрирует периферийные тенденции. Только крупнейшие города (Вильнюс, Каунас, Клайпеда) и тяготеющие к ним муниципалитеты, а также курортные Паланга и Неринга выделяются на общем фоне как центры роста. В этих самоуправлениях значения большинства экономических показателей превышали средние по стране.

Наибольшая экономическая периферизация была характерна для северных, северо-восточных, южных и юго-западных частей страны и некоторых муниципалитетов Центральной Литвы. По большинству экономических показателей эти муниципалитеты входят в наиболее отстающую от среднего по стране группу.

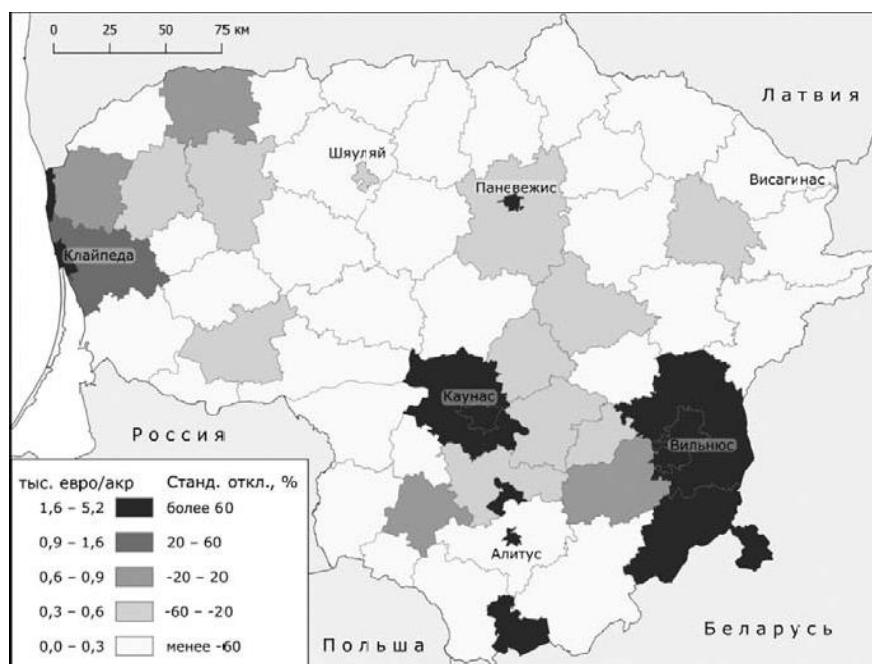


Рис. 10. Средняя стоимость 1 акра земли под жилую застройку по муниципалитетам Литвы в 2005–2019 гг.

Fig. 10. Average cost of 1 acre of land for residential development in Lithuanian municipalities in 2005–2019

Центр-периферийная социально-экономическая структура

Проведенный анализ ключевых демографических и экономических показателей позволяет нам обобщить тенденции неравномерного пространственного развития в Литве (рис. 11).

Ядром центр-периферийной системы Литвы, безусловно, являются три главных города страны (Вильнюс, Каунас и Клайпеда), а также окружающие их районы, подверженные типичным для пригородов процессам субурбанизации, переноса или открытия ряда современных производств в расположенных там свободных экономических зон. Если в случае Каунаса и Клайпеды речь идет только о пригородных Каунасском и Клайпедском районных муниципалитетах, то гравитационное поле Вильнюса как крупнейшего, со всех точек зрения, центра распространяется не только на Вильнюсский, но и на находящиеся на главной транспортной артерии страны трассе А1 Тракайский и Электренайский муниципалитеты, обладающие значимым туристско-рекреационным и историко-культурным потенциалом. Кроме того, в г. Электренай находится построенная в 1962 г. теплоэлектростанция, ставшая после закрытия Игналинской АЭС основным производителем электроэнергии в стране.

Эти самоуправления не только наиболее конкурентоспособны в общенациональном масштабе, но и привлекательны для иностранных инвесторов, отличаются относительно благоприятным социально-экономическим положением, способны поддерживать демографический баланс.

Другим отчетливо выделяющимся полюсом стабильности в Литве являются приморские курорты Неринга и Паланга. Движущей силой их развития является обслуживание массового потока туристов со всей Европы. В последнее десятилетие Неринга и Паланга стали центрами притяжения мигрантов во многом благодаря высокому уровню качества жизни. И если Паланга – это классический пример места, куда переселяются вышедшие на пенсию обеспеченные жители крупнейших городов, то население Неринги во многом растет фиктивно за счет покупки недвижимости и перерегистрации по новому адресу молодых и успешных жителей страны. Причиной популярности Неринги является набор фискальных и социальных льгот для зарегистрированных там граждан.

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

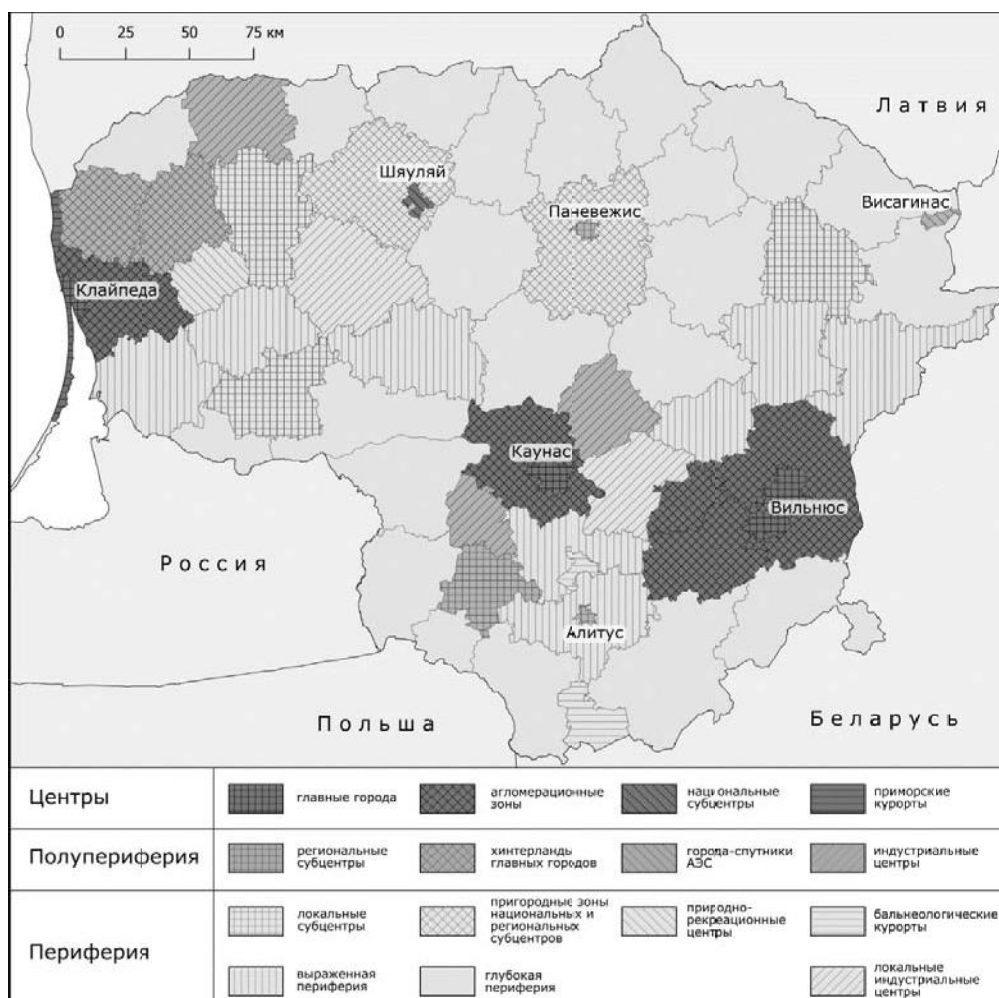


Рис.11. Интегральная типология неравномерного социально-экономического развития муниципалитетов Литвы

Fig. 11. Integral typology of the uneven socio-economic development of Lithuanian municipalities

Шяуляй также характеризуется достаточно высокими значениями показателей, тем не менее его можно считать национальным субцентром притяжения, обслуживающим периферию. В советский период истории этот город был важным промышленным центром, однако после восстановления независимости Литвы потерял былое значение и не смог поддерживать стабильное демографическое и социально-экономическое положение.

Полупериферия представляет собой географически пеструю группу муниципалитетов, отличающихся факторами, определяющих тренды их развития. Важными региональными центрами обслуживания и производства на юге Литвы являются бывшие уездные центры Алитус и Мариямполь, а на севере – Паневежис, отличающиеся низкой степенью периферизации.

Индикатором, позволившим отнести муниципалитеты к полупериферии, является успешно функционирующая промышленность, что благоприятно сказывается на демографической и экономической ситуациях. Наиболее благополучным самоуправлением является Мажейкяйское, где в одноименном административном центре расположен нефтеперерабатывающий завод. Другим примером муниципалитета с доминирующим предприятием является Йонавский – центр производства азотных удобрений. Казлу-Рудское самоуправление было образовано лишь в 2000 г. из части территорий Мариямпольского и Шакяйского муниципалитетов и не имеет на своей территории крупного предприятия. Исторически преобладающей отраслью специализации муниципального образования является деревообработка и смежные с ней виды деятельности. Таким образом, эти муниципалитеты имеют из недавнего

советского прошлого достаточный инфраструктурный потенциал и человеческий капитал, который, несмотря на произошедшую девальвацию, все еще является ресурсом локального развития. Сочетание факторов прежнего багажа и пространственной позиции (близости к крупным центрам, оживленным участкам государственной границы и главным транспортными артериями) позволяет этим территориям «держаться на плаву».

Близостью к более развитым приморским территориям на западе страны воспользовались Кретингский и Плунгеский муниципалитеты.

Расположенный на северо-востоке страны г. Висагинас, построенный в конце 1970-х гг. как место проживания сотрудников Игналинской АЭС и их семей, разительно отличается от окружающей его преимущественно сельской периферии. Во-первых, этническим составом населения (преобладают русскоязычные), во-вторых, уровнем развития человеческого капитала (находящаяся в процессе консервации Игналинская АЭС – до сих пор крупнейший работодатель, около 2000 сотрудников), в-третьих, более молодым населением и, как следствие, повышенным естественным приростом. Однако миграционный отток, как и в соседних периферийных муниципалитетах, находится на крайне высоком уровне. За рассматриваемый период численность населения города сократилась на 20% и, в первую очередь, за счет молодых когорт населения. Усилившиеся в XXI в. тенденции периферизации Висагинаса связаны с закрытием Игналинской АЭС, что сопровождается попытками привлечения иностранных инвесторов на высвободившиеся производственные мощности и специальными программами помощи ЕС. Тем не менее эти попытки не могут в полной мере восстановить прежний объем рынка труда, что, вероятно, приведет к дальнейшему сокращению численности населения.

В Литве выделяется довольно обширная периферия (более 2/3 муниципалитетов), которой свойственны черты экономической стагнации, безработицы, оттока и старения населения.

Качественной дифференциации поддается лишь территории с умеренными чертами периферии, которая включает в себя уже упоминавшиеся выше типы территорий. Это пригородные зоны больших городов, которые не обладают столь мощным гравитационным полем влияния, но подверженные схожим тенденциям, характерным для хинтерландов, однако с меньшим масштабом явления. Речь идет о Шяуляйском и Паневежисском районных муниципалитетах.

Похожая ситуация складывается в бывших уездных центрах – Утена, Тельшяй и Таураге, остающихся локальными центрами обслуживания для окружающих территорий.

Бальнеологические курорты в южной части страны Бирштонас и Друскининкай менее популярны, чем приморские курорты, но тем не менее рекреационная специализация позволяет им избегать проблем с безработицей. Впрочем, демографическая структура населения имеет перекос в сторону старших возрастных групп.

Кедайняйское и Кайшядорское самоуправления имеют выгодное транспортно-географическое положение на ключевых республиканских магистралях недалеко от крупнейших агломерационных центров страны, что позволяет им не столь быстро стагнировать и развивать устойчивые промышленные производства. Так, в Кедайняйском муниципалитете функционируют построенное еще в советские годы предприятие по производству фосфатных удобрений и современный кластер пищевого производства. Кайшядорский муниципалитет расположен на основной автостраде А1 и находится в непосредственной близости от Каунаса, что предопределило пригородную ориентацию хозяйства (две крупных птицефабрики, производство домов, мебели и т.д.).

Ретавский муниципалитет вернул себе административный статус в 2000 г., выделившись из состава Плунгеского самоуправления, и по аналогии с ним использует выгоды соседства с успешными приморскими муниципалитетами, параллельно осваивая природно-рекреационные ресурсы (туризм, сельское и лесное хозяйство).

Территории с выраженными чертами периферии имеют три ареала распространения: восточный (Молетский, Ширвинтский и Швянченский муниципалитеты), южный (Алитусский районный и Пренайский муниципалитеты); западный (Расеняйский, Шилутский и Шилальский муниципалитеты). Территории глубокой периферии распространены повсеместно, но наиболее депрессивными являются приграничные самоуправления. Но в данном случае периферизация выражается не только в пространственном аспекте удаленности от ключевых центров и соседстве с аналогичными по уровню развития территориями соседних стран, но и в свойственных периферии процессах экономической стагнации, старении и оттоке населения.

Таким образом, наиболее дифференцированной и развитой по выбранным критериям оказалась полоса вдоль ключевой полимагистрали, соединяющей две столицы: Вильнюс и Каунас, а также западная часть страны, тяготеющая к побережью. Именно в этих двух ареалах сосредоточены основные центры, организующие социальное, административно-хозяйственное и политическое пространство Литвы, наименее – приграничная периферия, удаленная от побережья и крупнейших городов.

Выводы

Расширение ЕС на восток рассматривается как усиление пространственной поляризации не только самого интеграционного объединения, но и внутри самих постсоциалистических новых стран-членов. Отчетливо просматривается расхождение, при котором столица и ряд крупных городов развиваются достаточно интенсивно, тогда как территории, находящиеся за пределами действия актуальных на сегодня факторов экономического роста, постоянно стагнируют. Растущие социально-экономические различия предполагают, что пространственная поляризация будет лишь усиливаться, что приведет к дальнейшей периферизации не крупногородских территорий [10].

Наше исследование доказывает, что эти процессы характерны и для Литвы. После вступления в ЕС крупнейшие агломерации увеличили отрыв в социально-экономическом развитии от остальной территории страны. Это происходит во многом за счет периферии, которая, не получая должной государственной поддержки, все больше отстает от растущих центров. Темпы депопуляции в этих муниципалитетах быстро увеличивались во многом ввиду невозможности жителей найти работу, а усиление негативной трансформации возрастной структуры населения привело и к экономическим последствиям (например, снижение инвестиционной привлекательности). Периферия охватила почти всю страну, помимо крупнейших городов.

Неравномерность пространственного развития, в широком смысле понимаемого как отношения между местами, которые (вос)производят неравенство в различных ресурсах от природных до властных и, как следствие, в богатстве и благополучии своих жителей, считается неотъемлемой чертой современных капиталистических обществ [6]. Это естественный процесс для страны, обусловленный историческими обстоятельствами и конъюнктурными политическими, экономическими и демографическими тенденциями. Лишь десяток с небольшим муниципалитетов Литвы характеризуются определенной стабильностью или улучшением показателей. Основу этой группы самоуправлений составляют крупнейшие города страны (Вильнюс, Каунас, Клайпеда), их хинтерланд, а также курортные муниципалитеты Неринга и Паланга. Соответственно практически 80% муниципалитетов Литвы испытывают в той или иной степени на себе тенденции к периферизации. Наиболее заметна интенсивная периферизация в приграничной полосе на северо-востоке, севере, юге, юго-западе Литвы – в трети всех самоуправлений страны.

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

Список источников

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: ИД «Территория будущего», 2006. 248 с.
2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
3. Boren T., Gentile M. Metropolitan processes in post-communist states: an introduction // *Geografiska Annaler*. 2007. Vol. 89, No. 2. Pp. 95–110.
4. Cox K.R. Uneven development: convergence, divergence and politics // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022. Vol. 15, No. 1. Pp. 23–38. doi: 10.1093/cjres/rsab030
5. Dzenovska D. Emptiness: capitalism without people in the Latvian countryside // *American Ethnologist*. 2020. Vol.7, No.1. Pp. 10–26.
6. Hadjimichalis C., Hudson R. Rethinking local and regional development: implications for radical political practice in Europe // *European Urban and Regional Studies*. 2007. Vol. 14, No.2. Pp. 99–113.
7. Harvey D. *The Limits to Capital*. 1982. Oxford: Basil Blackwell.
8. HM Government. *Levelling up the United Kingdom (CP 604)*. 2022. HMSO.
9. Krugman P. *Geography and Trade*. 1991. Cambridge (Mass.)
10. Lang T. Regional development issues in Central and Eastern Europe: shifting research agendas from a focus on peripheries to peripheralisation? // *Geography in Visegrad and Neighbour Countries*. A. Eröss, D. Karacsonyi (eds). 2011. Budapest. Pp. 57–64.
11. Lang T., Henn S., Ehrlich K., Sgibnev W. (eds) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization. Perspectives from Central and Eastern Europe and beyond*. 2015. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
12. Loewen B. *Towards Territorial Cohesion? Path Dependence and Path Innovation of Regional Policy in Central and Eastern Europe*. 2018. Tartu: Tartu University Press.
13. Martin, R., Gardiner, B., Pike, A., Sunley, P., Tyler, P. *Levelling up left behind places: The scale and nature of the economic and policy challenge*. 2021. Routledge.
14. Massey D. *Spatial Divisions of Labour*. 1984. London: Methuen.
15. Peck J., Werner M., Jones M. A dialogue on uneven development: a distinctly regional problem // *Regional Studies*. 2022. doi: 10.1080/00343404.2022.2116417
16. Pociute G. *Periferingumo teritorine raška Lietuvoje. Daktaro disertacija*. 2014a. Vilnius.
17. Pociute G. Trends of imbalances of demographic and socioeconomic development in the post-reform period in Lithuania // *The social and economic growth vs. the emergence of economic growth and stagnation areas*. ed. P. Churski. 2014b. Poznan. Pp. 129-150.
18. Sewell W.H. The temporalities of capitalism // *Socio-Economic Review*. 2008. Vol. 6, No.3. Pp. 517–537. doi: 10.1093/ser/mwn007
19. Ubarevičienė R. *Sociodemographical analysis of the changing territorial organisation of the settlement systems in the Baltic countries*. Doctoral Thesis, Lithuanian Social Research Centre, Vilnius. 2018.
20. *United Nations*. *United nations comprehensive response to COVID19: Saving lives, protecting societies, recovering better*. 2021. United Nations, Office for the Coordination of Humanitarian Affairs.

References

1. Wallerstein, I. (2006), *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis: Introduction], edited by N. Tyukin. ID «Territoriya budushchego», Moscow, Russia.
2. Gritsai, O.V., Ioffe, G.V., Treivish, A.I. (1991), *Centr i periferiya v regional'nom razviti* [Core and periphery in regional development], Nauka, Moscow, Russia.
3. Boren, T., Gentile, M. (2007) Metropolitan processes in post-communist states: an introduction, *Geografiska Annaler*, Vol. 89, No. 2, pp. 95-110.
4. Cox, K.R., (2022), Uneven development: convergence, divergence and politics, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 15, No. 1, pp. 23-38. doi: 10.1093/cjres/rsab030
5. Dzenovska, D., (2020), Emptiness: capitalism without people in the Latvian countryside, *American Ethnologist*, Vol.7, No.1, pp. 10-26.
6. Hadjimichalis, C., Hudson, R. (2007), Rethinking local and regional development: implications for radical political practice in Europe, *European Urban and Regional Studies*, Vol. 14, No.2, pp. 99–113.
7. Harvey, D., (1982), *The Limits to Capital*, Basil Blackwell, Oxford, UK.
8. HM Government, (2022), *Levelling up the United Kingdom (CP 604)*, HMSO, UK.
9. Krugman, P., (1991), *Geography and Trade*, Cambridge (Mass.), USA.
10. Lang, T., (2011), Regional development issues in Central and Eastern Europe: shifting research agendas from a focus on peripheries to peripheralisation?, *Geography in Visegrad and Neighbour Countries*, edited by A. Eröss, D. Karacsonyi, pp. 57-64, Budapest, Hungary.
11. Lang, T., Henn, S., Ehrlich, K., Sgibnev, W. (2015) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization. Perspectives from Central and Eastern Europe and beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, UK.
12. Loewen, B., (2018) *Towards Territorial Cohesion? Path Dependence and Path Innovation of Regional Policy in Central and Eastern Europe*, Tartu: Tartu University Press, Estonia.
13. Martin, R., Gardiner, B., Pike, A., Sunley, P., Tyler, P. (2021) *Levelling up left behind places: The scale and nature of the economic and policy challenge*, Routledge, UK.
14. Massey, D., (1984), *Spatial Divisions of Labour*, London: Methuen, UK.
15. Peck, J., Werner, M., Jones, M., (2022), A dialogue on uneven development: a distinctly regional problem, *Regional Studies*. doi: 10.1080/00343404.2022.2116417

Экономическая, социальная и политическая география

Зиновьев А.С., Ступин Ю.А.

16. Pociute, G., (2014a) *Periferingumo teritorine raиска Lietuvoje* [Territorial Expression of Peripherality in Lithuania], Daktaro disertacija, Vilnius, Lithuania.
17. Pociute, G., (2014b), Trends of imbalances of demographic and socioeconomic development in the post-reform period in Lithuania, *The social and economic growth vs. the emergence of economic growth and stagnation areas*, edited by P. Churski, pp. 129-150, Poznan, Poland.
18. Sewell, W.H., (2008), The temporalities of capitalism, *Socio-Economic Review*, Vol. 6, No.3, pp. 517-537. doi: 10.1093/ser/mwn007
19. Ubareviciene, R., (2018), *Sociodemographical analysis of the changing territorial organisation of the settlement systems in the Baltic countries*, Doctoral Thesis, Lithuanian Social Research Centre, Vilnius, Lithuania.
20. United Nations, (2021), *United nations comprehensive response to COVID19: Saving lives, protecting societies, recovering better*. United Nations, Office for the Coordination of Humanitarian Affairs.

Статья поступила в редакцию: 01.06.2023, одобрена после рецензирования: 27.07.2023, принята к опубликованию: 12.12.2023.

The article was submitted: 1 June 2023; approved after review: 27 July 2023; accepted for publication: 12 December 2023.

Информация об авторах

Андрей Станиславович Зиновьев

старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет; 199178, г. Санкт-Петербург, Россия 10 линия В.О. 33–35

Information about the authors

Andrey S. Zinovyev

Senior Lecturer, Department of Economic and Social Geography, Saint-Petersburg State University

33–35, 10 liniya V.O., St. Petersburg, 199178, Russia
e-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Юрий Александрович Ступин

кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии,

Санкт-Петербургский государственный университет; 199178, г. Санкт-Петербург, Россия 10 линия В.О. 33–35

Yurii A. Stupin

Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer, Department of Regional Policy and Political Geography, Saint-Petersburg State University

33–35, 10 liniya V.O., St. Petersburg, 199178, Russia
e-mail: y.stupin@spbu.ru

Вклад авторов

Зиновьев А.С. – формулировка идеи, анализ материалов, формулировка и валидация выводов.

Ступин Ю.А. – систематизация и обработка статистических материалов.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Contribution of the authors

Andrey S. Zinovyev – formulating ideas, analysing materials, formulating and validating conclusions.

Yurii A. Stupin – systematisation and processing of statistical materials.

The authors declare no conflict of interest.